

АРИЭЛЬ ДОРФМАН

АЛЛЕГРО

Загадка пропавшей партитуры

УДК 821.ю111-94(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Д69

ARIEL DORFMAN

ALLEGRO

Перевод с английского Татьяны Черезовой

Дорфман А.

Д69 Аллегро / Ариэль Дорфман ; [пер. с англ. Т. Л. Черезовой]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2025. — 256 с. (*Документальный fiction*).

ISBN 978-5-389-28625-2

Захватывающий исторический детектив с Моцартом в главной роли.

В 1789 году Вольфганг Амадей Моцарт посещает могилу Иоганна Себастьяна Баха в Лейпциге в поисках знака, сигнала, ответа на загадку, которая преследовала его с детства: был ли Бах убит знаменитым окулистом? И годы спустя, стал ли Гендель жертвой того же врача? От лондонских салонов до улиц Парижа — расследование воссоздает захватывающее и беспокойное время, полное мошенников и гениальных композиторов, шарлатанов и самонадеянной знати. Параллельно с расследованием происходит взлет Моцарта, его познаний, славы, испытаний и потерь.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-389-28625-2

© Ariel Dorfman

© Черезова Т.Л., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

От автора: В «Аллегро» все музыкальные темы, даты, персонажи и события (с небольшими исключениями) соответствуют действительности. Их существование можно подтвердить по историческим документам. Все остальное в данном дивертисменте — это вымысел, двух-, трех- и четырехчастный вымысел с вмешательством множества голосов.

СОДЕРЖАНИЕ

Прелюдия	
<i>Лейтциг, 22 апреля 1789 года</i>	
Увертюра	11

Часть первая. ЛОНДОН

Глава первая	
<i>Лондон, 2 февраля 1765 года</i>	
Allegro ma non troppo	15
Глава вторая	
<i>Лондон, 2–3 февраля 1765 года</i>	
Адажио	58

Часть вторая. ПАРИЖ

Глава третья	
<i>Париж, 18 июня 1778 года</i>	
Анданте	105
Глава четвертая	
<i>Париж, 21–22 августа 1778 года</i>	
Менуэт и финал	158
Эпилог	
<i>Лейтциг, 17 мая 1789 года</i>	
Реквием и fuga	217

ПРЕЛЮДИЯ

Лейпциг, 22 апреля 1789 года

Увертюра

Я приехал в Лейпциг в поисках знамения.

Что я надеялся найти? Какие-то указания от мертвого композитора? Послание, оставленное у живых? Для меня, еще не родившегося в момент его кончины, которая случилась недалеко от того места, где я сейчас стою в этом самом городе?

Столь абсурдную и безнадежную цель нельзя было поведать никому, и уж тем более Констанции, которая увидела бы в этом очередное доказательство, что я сумасброден, измучен долгами и скатываюсь в меланхолию. Король Фредерик вызывает меня в Потсдам, сказал я, он даст мне место, и это решит все наши проблемы.

Хотя все было совсем не так. Поскольку Лейпциг находится на пути в Потсдам, она не будет особенно удивляться, если я остановлюсь там, предложу дать концерт, немного пополню свои средства, привезу ей обратно какие-то гроши. Невозможно признаться моей любящей женошке, что я ожидаю Божьего шепота или еще какого-то явления.

Последняя попытка перед отъездом. В третий раз за три дня я снова стою перед могилой у церкви Святого Иоанна, где лежит Иоганн Себастьян Бах — в шести шагах от южного угла здания. Уже почти сорок лет прошло с тех пор, как он в последний раз видел свет, был дважды ослеплен, а потом, потом... Что было потом?

Из всех тех, кто знает ответ, из тех троих, кто мог бы его знать, в живых уже нет никого. Остался только я. Только у меня есть слабые подозрения насчет того, что было той ночью — преступление или отпущение грехов, какая дверь открылась — или закрылась навсегда? — в комнате, где великий композитор принял причастие, лежа при смерти. Только я могу свидетельствовать, пытаюсь выяснить правду, отделить ложь от иллюзий; только этот болезненный мужчина тридцати четырех лет, который смотрит на эту немую могилу; я, взывающий к человеку, который привел меня сюда.

К другу, которого больше никогда не увижу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лондон, 2 февраля 1765 года

Allegro ma non troppo

Этот человек подошел ко мне через считанные секунды после окончания концерта, пока еще не стихли аплодисменты. Однако голос у него звучал словно звонкие звуки флейты, оставаясь слышимым на фоне хлопков, разговоров и стука, — и он сам оказался тонким, словно тростинка, и немного нескладным, — но не отталкивающим: приятный голос, который мог бы неплохо спеть на каком-нибудь праздновании. А таких случаев у него явно было немало, и в свои сорок с чем-то лет он явно видел веселые времена, о чем свидетельствовал блеск его глаз и богатый наряд, несмотря на нынешнюю его печальную мину. Однако мое внимание привлекло совсем не это.

— На пару слов, юный господин, — сказал он весьма дерзко.

Он обратился ко мне на моем родном немецком, совершенно правильно, грамотно и расставлено как надо, хотя его слова были перегружены гнусавыми, неестественными призвуками английских гласных. Но акцент был хотя бы не настолько сильным, чтобы меня оттолкнуть: я тогда был совершенным ребенком, мой девятый день рождения был всего неделей раньше, и я невероятно тосковал по родному дому. «Ты привыкнешь, — твердил мой отец, — нельзя надеяться на такую жизнь, какую ты заслуживаешь, какую заслуживает твоя семья, если вы с сестрой не будете ездить повсюду, не будете искать счастья за пределами Зальцбурга». В Лондоне мало кто разговаривал со мной по-немецки, а мой английский был хуже самого элементарного, несмотря на способность воспроизводить любой услышанный звук. Французский и итальянский у меня уже были идеальными! Так что, даже если бы этого человек не выглядел жалким и покинутым, я бы все равно с радостью выслушал того, кто называл меня юным господином, тем более что он лил мне в уши лестные слова о симфонии, только что представленной избранным слушателям в Карлайл-хаусе: она вскоре будет приводить в восхищение всех тех знатоков по всему миру, кто не удостоился чести присутствовать на премьере моего великолепного концерта, намного превзошедшего, как он меня заверил, произведения Иоганна Кристиана Баха или Карла Фридриха Абеля, которые предшествовали и следовали моей божественной гармонии (так он это назвал).

Пусть я и был еще мальчишкой, но уже привык жадно ловить такие отзывы, все эти прилагательные: божественный, величественный, непобедимый, все-сильный, — которые мой папа часто подхватывал, присоединяясь к рекам похвал, что вились вокруг меня. Еще, еще, все эти превосходные степени лились на мою голову бесконечной святой водой, а я жаждал большего, хотел, чтобы эти реки слились в бесконечное море. И все же, все же — этот человек переигрывал, преувеличивал мои способности даже сильнее, чем мои собственные родители. Возможно, каждое его слово было сказано искренне, но причина у его лести была иной. Наверное, дело было в том, как он чмокал губами, словно только что отведав невероятно вкусный соус, в том, как позволял проявиться улыбке в момент преклонения колен. Даже его неровные зубы не развеяли моей к нему симпатии. Она была такой бесхитростной, эта улыбка — как у изгваздавшегося на улице мальчишки, который вместо порки получил отцовское благословение. В ней было столько надежды!

Ему что-то от меня было нужно.

Предупрежденный его чрезмерной лестью, я, наверное, должен был ему отказать, не пожелав связываться с незнакомцем.

Хотя он был не совсем незнакомцем.

В последние несколько месяцев я неоднократно замечал его худощавую элегантную фигуру на концертах, которые давали другие музыканты, и в Королевском театре, на представлении оперы «Адриано в Сирии» и попури «Эцио», а также на платных выступлениях, где я сам появлялся на публике с моей сестрой

Наннерль и где нас принимали с бурными восторгами: этот человек был там, держась на краю моего внимания. Жадно пялился, не пытаясь приблизиться, с тревогой переводя взгляд с меня на моего отца, на сестру, на мать — в тех редких случаях, когда она тоже присутствовала, — разглядывая их с совершенно иным настроением, чем то, с каким он смотрел на меня: словно я — замок, а они — ров, я — сокровище, а они — драконы.

Этот вечер стал иным — для него и для меня.

Этим вечером он привел с собой костлявого парнишку, примерно моего возраста, как я сразу понял, увидев его среди слушателей у задней стены роскошного парчового зала миссис Терезы Корнелис. Я решил, что он привел с собой сына, наверняка какого-то родственника. Да ведь мальчишка демонстрирует такую же мрачную мину, но явно напускную.

Жалкое зрелище.

Еще не услышав его голос, я распознал некое умасливание, раболепие, преклонение перед властью — даже до того, как он поклонился чересчур смиренно и назвал меня юным господином по-немецки, я уже понял, как он жил, как выживал, как кто-то показал ему, что в этом мире нельзя чего-то добиться, если не ублажишь власть имущих, тех, кто распоряжается деньгами, раздает награды и может дать тебе под зад или увлечь к славе. Мы не сможем продвигаться по жизни, если не научимся опускать глаза и сгибать колени и утверждать, что мы их покорные и смиренные слуги. Этот урок отец в меня уже вбил. Но не только его. «Потому что в душе, Воферль, — постоянно повторял мой отец, — в душе ты волен думать, что хочешь,

ты знаешь, что у тебя есть то, чего у них нет, что Бог дал тебе несравненно больше, чем Он когда-нибудь даст им. И пусть эта уверенность питает тебя в те трудные годы, которые наверняка ждут тебя, когда ты вырастешь и перестанешь быть вундеркиндом, когда будешь вынужден, как я когда-то, зарабатывать свой хлеб как музыкант в безжалостном мире».

Интересно, этот худой человек, стоящий сейчас передо мной, знает такое о себе? Научил ли его собственный отец хранить в запасе некое чувство самоуважения? Или он так жаждет какой-то моей услуги, что совершенно забыл о достоинстве?

Как будто услышав мои раздумья, он прекратил осыпать меня комплиментами и таким пониженным голосом, что слышно стало только нам с ним, бросил мне вопрос:

— Вы умеете хранить секреты, господин Моцарт?

Заинтригованный таким непредвиденным поворотом событий, я не колеблясь дал утвердительный ответ: «Конечно, я умею хранить секреты».

— А готовы ли вы, милый рыцарь, во весь опор скакать на выручку старику, которого жестоко оклеветали и оскорбили и который нуждается в восстановлении своего доброго имени: можете ли вы помочь ему восстановить свою честь?

Я кивнул. Это было похоже на сказку, разве я мог не дать согласие?

— Вы должны поклясться, что никому не расскажете об этом разговоре, — продолжил мужчина, — за исключением одного человека. За исключением Лондонского Баха, Иоганна Кристиана Баха, сына несравненного

Иоганна Себастьяна, скончавшегося пятнадцать лет назад. — Его взгляд метнулся в сторону капельмейстера, который все еще стоял рядом с помостом, принимая поздравления с его собственной новой «Symphonia Concertante», написанной исключительно для подобных концертов по подписке. — Если вам удастся это сделать, я буду вашим вечным должником, как и тот старый человек, о котором я упомянул. Вы готовы, намерены, сможете это сделать, юный сударь?

Его нужда была столь откровенной и острой, что вызвала к моей доброте: как иначе отозваться, как не с приязнью и любезностью, которые были для меня столь естественными? Я уже собирался сказать: «Да—да, конечно, дорогой сэр», когда меня посетила леденящая мысль: а что, если это шпион? Актер, нанятый моим отцом, чтобы меня испытать? «Никому не доверяй, Вольфганг, а особенно докторам», — было его кантиленой, вечной ритурнелью. Возможно, мой любимый папа решил воспользоваться каким-то третьесортным приятелем Гаррика, чтобы проверить: вдруг, оказавшись впервые без его благожелательного надзора, я поддамся опасной вере во всеобщую доброту? Не слишком ли идеальное выражение лица у этого человека? А вдруг родители... но нет: моя мать не стала бы участвовать в подобном плане, не стала бы обманывать меня даже ради моего блага... вдруг мой отец его подготовил, уговорил этого типа именно на такую горестную манеру, которая достигнет моей души и заставит ее таять от сострадания? Дирижировал им, словно уличным скрипачом самого низкого сорта? Нет, не самого низкого — скорее, передо мной профессионал-виртуоз: если это

маска вроде тех, в которых я обожал разгуливать на карнавале, то она приросла к его лицу, словно вторая кожа. Нет, отцу не хватило бы денег на кого-то столь опытного, он не потратил бы те немногие гиней, которые мы едва могли считать своими, на то, чтобы просто меня испытать. И вообще, папа не мог предвидеть, что я окажусь один этим вечером (как и любым вечером, днем, или ночью, или утром, или полуднем) без его бдительного присмотра, без его советов относительно того, кому мне следует не доверять.

В кои-то веки, и впервые в жизни, мое доверие или недоверие к этому человеку определялось только моим собственным решением, а не диктовалось боязнью гнева моего отца или стремлением получить его одобрение. Это было испытание, но устроенное не Леопольдом Моцартом, а самим Богом: первый урок умения заглядывать под приятную поверхностную ложь каждого почитателя. Бог учит меня сдерживать свойственную мне открытость и автоматическую — и поэтому чересчур легкую — жалость, которую я, словно безмозглая губка, испытываю по отношению к любому несчастному, что оказывается на моем пути. Это Бог готовит меня к тому дню, когда, став одиноким в этом мире, я вынужден буду самостоятельно определять, кто мне враг, а кто друг.

И что же делать, если милосердие — это не самый надежный путь? Есть ли в этом предостерегающем уроке еще что-то, какое-то другое желание, которым я мог бы руководствоваться? Есть. Этот самозванец спросил, умею ли я хранить секреты, дал понять, что он желает поручить мне некое дело, пообещал приключение. Вот

почему мне следует сказать «да»: потому что я мечтаю о какой-нибудь проделке (признайся, Вольфганг!) так же сильно, как он — о том, чтобы заручиться той помощью, которую я могу ему оказать.

И то, что он встретил меня именно этим вечером, определенно должно побудить меня принять его предложение.

Чудо уже то, что я вообще здесь нахожусь, впервые оказавшись без сопровождения, свободный от любящего взгляда, руки любимого опекуна и фигур взрослых, ограждающих меня от вторжений — как враждебных, так и благих. Чудо, которого я страшился и ожидал в равной мере. Чудо, которого этот мужчина явно тоже дожидался многие месяцы, хоть и охваченный страхом, сильно отличавшимся от моего, — боязнью, что возможности беспрепятственно ко мне подойти так и не возникнет.

И она была на грани того, чтобы не появиться.

Субботним утром я проснулся раньше обычного. Одним прыжком соскочив с кровати, я встал во весь рост и начал двигаться, дрожа от возбуждения, еще до того, как мои ресницы разомкнулись.

Сегодня тот самый день! Сегодня я услышу, как маэстро Бах представляет мою симфонию, открывая путь множеству других: я уже представлял себе вереницу подобных произведений, уходящую в будущее. Я уже заканчивал вторую и третью, а на следующей неделе примусь за четвертую симфонию. Сегодня тот самый день, тот самый вечер! О, мои перспективы мольто аллегро, как первая часть моей первой симфонии: очень радостные и живые. Люди будут подходить ко мне и говорить,

как им нравлюсь я и мои произведения, все прелестные леди и их поцелуи, сегодня, сегодня!

Но стойте: за стенами дома 21 по Трифт-стрит царил мертвая тишина, переливы призрачного света вихрились в Сохо, угрожающе плыли за задернутыми шторами. Я заковылял к окну, ушибив палец ноги о клавикорд, который папа арендовал, и с трудом подавив тихий вскрик, готовый сорваться с моих губ. Мне не хотелось будить домашних, пока не хотелось: мне нужно еще несколько минут побыть одному.

Чуть раздвинутые шторы, чтобы выглянуть.

У меня оборвалось сердце.

Шел снег, сильный. Удивительно красивый: я радостно закричал бы в Зальцбурге таким волшебным утром, и мы пошли бы — вся семья и толпа друзей — кататься на санках, и я назвал бы каждую снежинку хрупким письмом от Бога. Но не здесь, не в Лондоне. Здесь послание Небес было противоположным: оно подразумевало, что улицы станут зловредными, сосульки повиснут на воротах нашего временного дома, словно выделения, слюна, застывшие потеки изо рта мертвеца. И послание, пришедшее изнутри нашего дома, подтвердило дурные известия: первыми звуками дня стали звуки рвоты моего отца: его тошнило так, что я вспомнил, как его выворачивало, когда мы плыли из Кале в Дувр. Остальные пассажиры изумлялись тому, как из одного человека может излиться такой бочонок полупереваренной пищи. Попутчиков, таращащих глаза и раскачивающихся, было шестеро: герр Леопольд Моцарт захватил их, чтобы уменьшить возмутительно высокую стоимость перевозки. Так вот, этот приступ рвоты мог соперничать с тем.

А потом второй звук. Кашель моей милой сестренки, усилившийся со вчерашнего дня, хриплый, затяжной и вредный.

И, наконец, третий звук. Моя мать громко спрашивает: «Вольфгангерль, Вольфгангерль, ты здоров, мой милый, хорошо ли ты выспался, милый, дорогой мой, звездочка моя?»

И мне стало ясно — никому не требовалось ничего мне говорить — словно ноты, написанные черным по белому, что день, который начался в моих мыслях так многообещающе, закончится разочарованием. Мне не нужно было слышать, как папа отправил Порту, нашего слугу, к моему покровителю, барону Иоганну Кристиану Баху. Отец по привычке проговаривал вслух послание по ходу его написания.

— «Пожалуйста, просим концертмейстера Баха извинить наше отсутствие этим вечером в Карлайл-хаусе и на обеде после того в Дин-хаусе, Кингз-сквер-сорт, где проживает он и герр Карл Фредерик Абель: болезнь опять восторжествовала. Моя дочь Марианна слегла с тревожащей ангиной, которая, как мы опасаемся, может перейти в нечто еще худшее, как случилось в прошлом году с нашим милым и несокрушимым Вольфгангом: все было настолько плохо, что мы готовы были звать священника. И я, дорогой сэр, нездоров, хоть это и пустяк по сравнению с недугом, который обрушился на меня прошлым июлем после выступления детей в особняке милорда Танета. Увы, нам следует быть осмотрительными: болезнь мальчика привела к потере всего июля и августа и вынудила нас перебраться на более чистый воздух Челси, что мы едва могли себе позволить. Мы не сможем еще

раз выдержать отмену такого множества выступлений и утраты оплаты за них. En fin, мы не сможем присутствовать». Быстро, быстро, иди... но смотри, не тревожь маэстро или герра Абея за завтраком.

Жизнерадостность мольто аллегро перешла в унылые аккорды моего «Анданте» — мрачной второй части, отрицавшей игривость первой. Сегодня не тот самый день, сегодняшний вечер не тот самый вечер. Леди в их ярких платьях и шляпках с перьями будут ахать над моей музыкой, но не надо мной, будут крутить и вертеть головами: где он, где этот маленький волшебник, где чудо природы и вундеркинд, который сочинил это в восемь лет, почему нас лишили его веселого присутствия? Где, о, где это чудо королевских дворов Европы и короля Георга и королевы Шарлотты, где маленький гений?

Маленького гения там не будет, печально прошептало мое «Анданте».

Я расплакался, побежал к маман в соседнюю комнату и уткнулся лицом в ее пышные коленки. Она, мягко покачивалась, мягко покачивала меня, не спешила поднять мне голову, посмотреть мне в лицо, стереть со щек влагу и соль.

— Это Божья воля, Вольфганг, — сказала она. — Он наслал катар на твою сестру, а на твоего отца — сильное головокружение и заставил нас тревожиться за тебя, когда ты недужил в прошлом году, в феврале. Ах, февраль, ах, проклятый месяц. Но нам ли сомневаться в Его мудрости, в том, что Он не случайно устраивает события, даже те, февральские, в соответствии с Его неисповедимыми желаниями, а не с нашими, смертными? Ты же не будешь противиться Богу?

Я сказал, что не буду, но все же добавил:

— Зачем Он заставил меня писать симфонию, если собрался помешать мне услышать ее исполнение под непревзойденной палочкой маэстро Баха?

— Пустяки, сын мой. Представь себе, что Он ослепил бы тебя, как возлюбленного Генделя, и Гомера, и Мильтона, и столь многих наших современников — тогда ты, возможно, мог бы спрашивать, зачем. Или если бы ты оглох! Но эта отсрочка удовольствия? Поверь мне, все еще окажется к лучшему.

— А что, если моя симфония не понравится? Меня там ждут, придут из-за того, что...

— Ну, если эти люди будут настолько глупы, знаешь, что мы с ними сделаем?

Я знал, знал и ответил так, как она и ожидала, с первой за это утро улыбкой:

— Мы насрем на них, маман.

Она кивнула — такая довольная, словно я запомнил таблицу умножения.

— Но сначала, Иоганн Хризостом Вольфганг Теофил...

— Амадей!

— Но сначала, Амадей — что мы сделаем сначала?

— Мы на них пернем, маман, а потом на них насрем.

— А потом?

— А потом пусть лижут мне зад!

— И что еще?

— И слижут все дерьмо с земли!

Мы оба радостно захохотали, радуясь не только самой шутке, но и друг другу, нашему непреходящему теплу.

— Но возможно, — сказала маман, — такие крайние меры не понадобятся. Возможно, Бог приведет какое-то другое, более удачное решение на этот вечер.

Я снова захохотал — бешено, оглушительно — схватил стоявшую в углу метлу, сел на нее и начал бегать вокруг маман. Ее аплодисменты и любование моими ужимками снова вызвали у меня смех, и, наверное, наше веселье стало знаком к появлению решения.

«Престо», выход из моих затруднений, мое «Престо», третья часть моей симфонии, предсказало то, что случится, если только я буду достаточно верующим, достаточно доверюсь собственной музыке и руке Провидения, не стану сомневаться в возможности счастливого решения и завершению горестей «Анданте»: ничто не может разлучить меня с той гармонией, которую я создаю, чтобы сделать мир более выносимым, ничто не разлучит меня с моей публикой.

Престо, на улице звуки престо-кареты, а потом престо-стук в дверь и престо-голос моего ментора и маэстро Иоганна Кристиана, моего друга Кристеля («Зови меня так, — сказал он, — только никому об этом не рассказывай. Так меня звали в твоём возрасте, когда мой отец ещё был жив»), да это был он, мой друг стоял у двери!

Приехал меня спасти.

Иоганн Кристиан Бах не желал слышать никаких отговорок, не принимал никаких возражений.

Он отправит за мной свою карету на закате, меня закутают, за мной присмотрят и вернут целым и здоровым и торжествующим на Трифт-стрит после обеда с лордом Танетом и его супругой на Дин-стрит. Это будет

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ДОРФМАН Ариэль

АЛЛЕГРО

Документальный fiction

Редактор *А. Мотина*
Выпускающий редактор *Т. Маслова*
Художественный редактор *В. Давлетбаева*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *И. Малыгина, А. Брусник*
Компьютерная верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.08.2025.
Формат 60×88^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Caslon 540 BT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,11.
Тираж 2000 экз. О-DCF-37736-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака Колибри	Колибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттың өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+